

ВОИНСТВЕННЫЙ РОМАНТИЗМ

А.В. ЮРЕВИЧ

Юревич Андрей Владиславович — заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук. Автор 8 монографий и 162 научных статей, посвященных актуальным проблемам психологии и науковедения. Член редакционных коллегий журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Науковедение», ряда российских и международных научных организаций.

Контакты: yurevich@psychol.ras.ru

Резюме

Отвечая на статью В.М. Аллахвердова (публикуемую в данном номере журнала), автор причисляет его к «психологам-романтикам», озабоченным «вечными» методологическими проблемами психологической науки, и характеризует как одного из ее самых ярких современных представителей. Вместе с тем ряд положений его статьи, а также высказанных в ней настроений подвергаются автором критике. По его мнению, В.М. Аллахвердов иногда противоречит сам себе, формулирует слишком жесткие императивы, не вполне адекватно трактует ключевые идеи постмодернизма и недостаточно корректно их опровергает, неоправданно смешивает постмодернизм и феноменологию с иррационализмом, антисциентизмом и т. п.

Современных российских психологов можно разделить на две категории — романтиков и прагматиков. Романтики мучаются над «вечными» проблемами психологической науки, такими, как ее разобщенность на несоизмеримые — в терминах Т. Куна — теории, а точнее, психологические «империи» (такие, как когнитивизм, бихевиоризм и психоанализ), всевозможные «параллелизмы», отсутствие общеразделяемого знания, неотработанность критериев его адекватности, непроясненность вопроса

о том, мы управляем своими нейронами или наши нейроны управляют нами, и т. п. Прагматики зарабатывают деньги, с успехом продавая существующее, весьма несовершенное психологическое знание, резонно полагая, что, если его покупают, оно того заслуживает, и нет смысла ломать мозги над «проклятыми» методологическими проблемами, которые к тому же, как показывает более чем столетний опыт развития психологической науки, все равно неразрешимы.

В.М. Аллахвердов принадлежит к породе психологов-романтиков, которая еще совсем недавно «пассионировала» в психологическом сообществе (вспомним методологический кружок Г.П. Щедровицкого и прочие симптомы увлеченности психологов методологическими проблемами), а теперь если и не вымирает, то выглядит как реликтовый вид, чуждый нашему прагматическому веку, ведь на методологии, в отличие от тестирования или Т-групп, много не заработаешь. Он с неподдельным энтузиазмом истинного романтика устраивает нам «методологические путешествия», например, «по океану бессознательного к таинственному острову сознания» (Аллахвердов, 2003), завлекает «сознанием как парадоксом» (Аллахвердов, 2000), опровергает вроде бы самоочевидные правила проведения психологических исследований. Его чрезвычайно яркие и интересные тексты высвечивают парадоксы там, где, казалось бы, все просто и ясно, и действительно напоминают увлекательные путешествия мысли, причем нередко и по «закрытым территориям» психологического познания.

Автор данной статьи делает эти комплименты В.М. Аллахвердову не для того, чтобы получить с их помощью индульгенцию за содержащуюся ниже критику его очередного яркого и увлекательного текста, а с тем, чтобы сразу же последовать одной из рекомендаций, содержащихся в самом этом тексте, — сделать нормативно обезличенное научное общение более личностным. Но пора перейти к самому тексту В.М. Аллахвердова, к акцентированным в нем идеям и, что очень характерно для ярких и

эмоциональных авторов, к еще более акцентированным там настроениям.

Одной из главных тенденций в развитии современной социогуманитарной науки стало ее заражение постмодернизмом, которое, как принято считать, размывает традиционные основания научного познания. Представители научного сообщества обнаруживают в отношении постмодернизма четыре типа реакции, которые любое сообщество проявляет к каким-либо новым веяниям. Одна его часть постмодернизм попросту не замечает, вторая — замечает, но игнорирует, третья относится к нему положительно, четвертая — отрицательно, как к измене тем правилам, которые не один век верой и правдой служили науке. В.М. Аллахвердов явно принадлежит к четвертому типу ученых: чувствуется, что постмодернизм его раздражает, и он выражает свою раздраженность в присущей ему яркой и эмоциональной форме. Чего стоят, например, одни только характеристики П. Фейерабенда (которого В.М. Аллахвердов считает одним из главных виновников активного распространения постмодернизма в методологии науки), содержащиеся в одном из его текстов. «П. Фейерабэнд же — иногда кажется, что исключительно из желания сказать нечто несусветно неожиданное или даже из PR-соображений, — просто смешивает науку с грязью» (Аллахвердов, 2003, с. 262). Или «г-н. Фейерабэнд, да простят меня его поклонники, имеет большой литературный талант, неплохое знание истории физики, но не имеет научной совести» (Аллахвердов, 2003, с. 260).

В этих высказываниях можно усмотреть иллюстрацию одного из

принципов той системы взглядов (и настроений), которую В.М. Аллахвердов выделяет в своей статье, презентуя как некое идейное целое и подавая как альтернативу постмодернизму и прочим методологическим «безобразиям». Сам же принцип звучит так: *«Субъективизм в науке неизбежен, его проявления следует учитывать, а не скрывать, и, хотя ученый обязан стремиться к объективности, субъективная составляющая научного знания должна адекватно отражаться в научных текстах»* (с. 49). Полагаю, хотя сам В.М. Аллахвердов это не акцентирует, что данное высказывание не следует понимать в том смысле, что, если, например, автор научного текста считает своих оппонентов дураками и проходимцами, он непременно должен сказать об этом в самом тексте или дать им примерно такую характеристику, которую сам В.М. Аллахвердов дает П. Фейерабенду. Но в сформулированном принципе обращает на себя внимание наличие императива, выраженного словом «должен», который присутствует и в других принципах, образующих своего рода реперные точки статьи Аллахвердова: *«...должна ставиться под сомнение»* (с. 52), *«должны специально маркироваться»* (с. 53), *«...ни в коем случае не должны»* (с. 53) или *«авторам следует указывать в своих текстах...»* (с. 51), *«следует исходить»* (с. 56), *«всегда следует учитывать...»* (с. 56), *«...не следует уделять места описанию таких деталей»* (с. 55) и т. п. И хотя в формулировках ряда других принципов, выделенных автором, присутствуют более мягкие формулировки: *«желательно пояснять...»* (с. 53), «же-

лательно, чтобы были описаны процедуры...» (с. 54), *«полезно указать»* (с. 54), *«лучше избирать...»* (с. 57), *«лучше начинать с самого простого»* — (с. 61), все же выдвигаемая им система принципов звучит как набор довольно жестких предписаний. А если учесть, что в основном эти предписания узаконивают отмену других, традиционных методологических императивов, например, требовавших «очищать» научные тексты от всего субъективного, то он, по существу, призывает заменить одну жесткую систему методологических стандартов другой жесткой системой (возможно, В.М. Аллахвердов к этому и стремится), но в отличие от первой, выглядящей как превращение возможных желаний в обязательства по принципу «ты должен хотеть учиться».

Вообще позиция В.М. Аллахвердова оставляет впечатление внутренней противоречивости, относящееся как к отдельным формулируемым им утверждениям, так и к его дискурсу в целом. Он одновременно и выражает раздражение постмодернизмом, и формулирует довольно-таки постмодернистские тезисы (например, о легализации субъективности), и придает им нехарактерный для постмодернизма императивный характер («должен», «следует» и т. д.). В этом автор не противоречит постмодернизму, но противоречит самому себе, ибо требует от научных утверждений непротиворечивости, а легализацию противоречий называет «восходящим к Гегелю словоблудием» (с. 48).

И здесь, видимо, «забит главный гвоздь» позиции В.М. Аллахвердова. Он пишет: «Ученый должен, во-пер-

вых, следить за тем, чтобы итоговое описание не содержало противоречия (поэтому, например, исходно противоречащие друг другу построения психоанализа, бихевиоризма и когнитивизма не могут быть *одновременно* верными), а во-вторых, с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений» (с. 48). В этой связи от автора изрядно достается постмодернистам и иже с ними, которые, по его мнению, вместо осуществления научного познания, направленного к истине, культивируют «никуда в итоге не направленный поток сознания» (с. 45), считают, что « $2+2$ равно чему угодно, поскольку любая задача нами субъективно воспринимается и можно придумать такие интерпретации этой задачи, при которых любой ответ будет правильным» (с. 46–47) и т. п.

Вообще-то позиция В.М. Аллахвердова, который настаивает на том, что $2+2=4$ всегда и при всех обстоятельствах, а постмодернисты лишь наводят тень на ясный день, очень привлекательна главным образом своей простотой и однозначностью. Но, к сожалению, так редко бывает, особенно в таких науках, как психология. Здесь подавляющее большинство фактов выглядит как $V=7\pm 2$, т. е. искомое значение равно хотя и

не «чему угодно», но то 5, то 6, то 7, то 8, то 9 — в зависимости от широчайшего круга обстоятельств. И происки постмодернистов тут ни при чем, просто таков характер психологической реальности, делающий *полную* воспроизводимость результатов психологических исследований, а, соответственно, и абсолютную воспроизводимость психологических фактов несбыточной мечтой (представьте себе, чтобы, например, какие-либо две психологические переменные во всех исследованиях обнаруживали один и тот же коэффициент корреляции)¹.

Кроме того, следует различать истинность фактов и истинность теорий, чего В.М. Аллахвердов, обладающий высокой методологической культурой, почему-то не делает, и это выглядит, если воспользоваться шахматной терминологией, как «зевок» гроссмейстера. В общем-то факт, даже психологический, проверить можно, хотя и далеко не всегда. Но, как правило, результаты этой проверки выглядят не однозначно, а как 7 ± 2 , и это в лучшем случае². Но как быть с теорией? Как эмпирически проверить теорию деятельности или психоанализ, являющийся, по общему признанию, набором метафор, ни одна из которых до сих пор не получила эмпирического подтверждения?

¹Это удалось лишь скандально известному английскому психологу С. Барту, который сначала был за свои исследования удостоен престижной премии Торндайка и первым среди психологов произведен в дворянство, а затем, когда выяснилось, что он занимался подлогами, исключен из Британской психологической ассоциации.

²А в худшем вообще никак. Например, в случае спора когнитивистов и бихевиористов по поводу того, что первично: установки или поведение, — весьма напоминавшего спор о яйце и курице, все эксперименты, выполненные когнитивистами, подтвердили первичность установок, а все эксперименты, проведенные бихевиористами, — первичность поведения, что похоронило мечту о возможности «решающих экспериментов» в психологии.

Как в этом случае последовать совету В.М. Аллахвердова — «с опаской относиться к включению в научный текст заведомо непроверяемых утверждений» (с. 48)? И что значит «относиться с опаской»? Вынудить редакторов вычеркивать из психологических текстов утверждения типа «психика — это деятельность» (заведомо непроверяемые) или не считать их авторов учеными?

Еще один «звонк гроссмейстера» — это утверждение В.М. Аллахвердова о том, что построения бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа *противоречат* друг другу. Иногда и в самом деле противоречат, но очень редко. Значительно чаще они не взаимно противоречивы, а, в терминах Т. Куна, *несоизмеримы* друг с другом, что порождает разобщенность психологии на «государства в государстве», каждое из которых живет по своим собственным законам (см.: Юревич, 2000, и др). Поэтому весьма странно выглядит констатация автором того, что положения этих теорий не могут быть *одновременно* верными, звучащая как утверждение о том, что не могут быть «верными» разные языки и говорить надо только на каком-нибудь одном из них.

Одна из ключевых идей постмодернизма применительно к психологической науке состоит в том, что основные психологические теории — бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, теория деятельности и др., прошедшие в этой науке своего рода естественный отбор (следовательно, такие теории, как теория флогистона, не в счет), — это равно возможные и равно адекватные способы видения и объяснения психологической реальности, а вопрос о том, какая из них

«верна», предполагающий, что все остальные — «неверны», лишен смысла. И для опровержения этой идеи нужны более весомые аргументы, нежели приводимые В.М. Аллахвердовым. Кроме того, уместно подчеркнуть, что данное утверждение несколько не размывает основания научного познания, не посягает на объективную истину, а лишь акцентирует, что к ней можно прийти разными путями (отсюда вполне рационалистичный образ научного познания как одновременного движения в разных направлениях, которое В.М. Аллахвердов называет «неупорядоченным потоком сознания»).

Странно выглядит и название раздела статьи В.М. Аллахвердова: «Научный рационализм *versus* антисциентизм, анархизм, постмодернизм, феноменология и пр.». «Научный рационализм» — это, по всей видимости, то, что предлагает автор, хотя в истории науки данное словосочетание традиционно наделялось несколько иным смыслом. А вторая часть названия напоминает призывы большевиков бороться одновременно с анархистами, эсерами, меньшевиками, зажиточными крестьянами, нищетой, тифом, беспризорностью и др. Неадекватным представляется и «сгужение в одну кучу» антисциентизма, анархизма, постмодернизма, феноменологии и пр. (что означает это «пр.» остается гадать, но в тексте В.М. Аллахвердова говорится об иррационализме и т. п.). Было бы неплохо различать оппонентов, а не закапывать их в одну братскую могилу.

Наступление эры постнеклассической науки, которое В.М. Аллахвердов приписывает «иррационалистам», первым констатировал вполне

рационалистически настроенный директор Института философии РАН В.М. Степин. Паранаука сейчас камуфлируется под рационализм (об этом см.: Юревич, 2001), а многие ее представители, не имеющие научного, а часто и вообще какого-либо образования, слыхом не слыхивали о постмодернизме и не способны выговорить слово «феноменология». Так что валить все в одну кучу едва ли оправданно, а постмодернизм и, тем более, феноменология вряд ли заслуживают

обвинений в «иррационализации всей общественной жизни» (перефраз известного выражения М. Вебера), которая вызывает вполне справедливое раздражение В.М. Аллахвердова. Научный рационализм, как и вообще науку трезвого вида, давно пора противопоставить антисциентизму во всех его проявлениях — паранауке и т. д. Но при этом едва ли стоит воевать с «постмодернизмом, феноменологией и др.», зачем-то делая противников из потенциальных союзников.

Литература

Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005 Т 2., № 1. С. 44–65. Далее страницы этого издания указаны в тексте в скобках.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5. С. 35–47.

Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М., 2001.